

Фантакрим

micro

ФАНТАСТИКА
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ДЕТЕКТИВ

СЕЗОНА
ДЛЯ РЫБАЛКИ

Роберт ШЕКЛИ
Сергей БУЛЫГА

ПОДНАДЗОРНЫЙ

ББК 84. 7 Ам,
Ш 39

Шекли Роберт.

Сезон для рыбалки. Фантастический рассказ.
Булыга Сергей. Фантастический рассказ. М.: Прометей, 1989. — 32 с.

**ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВЛЕНО
ЛИТЕРАТУРНО-ИЗДАТЕЛЬСКИМ
АГЕНТСТВОМ «ЭРИДАН»**

Рассказ Р. Шекли «Сезон для рыбалки», несомненно, будет интересен как любителям фантастики, так и любителям детективного жанра. Интригующий, почти детективный сюжет завершается фантастической разгадкой, которая заставляет взглянуть на человека и человеческое сообщество с совершенно неожиданной стороны.

Чем опасен для всемогущего Режима один-единственный человек, наделенный необычайными способностями? Ответа на этот вопрос в рассказе С. Булыги нет, но есть приглашение к размышлению над некоторыми обстоятельствами гибели известнейшего нашего Поэта...

Ш $\frac{47003040100-284}{183(2)-89}$ **Без. объявл.**

© Издательство «Прометей» МГПИ имени В. И. Ленина, 1989

СЕЗОН ДЛЯ РЫБАЛКИ

Они жили в этом загородном поселке всего неделю, и в гости их пригласили первый раз. Они пришли точь-в-точь в полдевятого. Кармайклы, судя по всему, ждали их. На крыльце главного входа горел свет, дверь была чуть приоткрыта и весь дом залит огнями.

— Я нормально выгляжу? — спросила Филлис у самой двери. — Все в порядке, волосы не развилось?

— Выглядишь, как привидение в красной шляпке, — уверил ее муж. — Только не убивай их наповал своей неотразимостью, испортишь вечер.

Она состроила кислую мину и нажала кнопку звонка. Внутри дома послышалась мягкая трель.

Пока они ждали, Моллен поправил галстук и вытянул платок из нагрудного кармана на микроскопическую долю миллиметра выше.

— Должно быть, они готовят джин в подвале, — предположил он. — Может, еще раз позвонить?

— Нет... погоди.

Через какое-то время он снова надавил кнопку. В доме опять отозвались колокольчики.

— Все это очень странно, — сказала Филлис через несколько минут. — Но они точно назначили на сегодняшний вечер, ведь так?

Ее муж кивнул. Кармайклы по случаю теплой весенней погоды держали окна открытыми. Сквозь венецианские шторы был виден приготовленный для бриджа столик, кресла со снятыми чехлами, тарелки со сладостями — все готово к приему. Но к дверям никто не подходил.

— Может, они куда-нибудь на минутку выскочили? — спросила Филлис Моллен. Ее муж быстро прошагал по лужайке к выезду из гаража.

— Машина на месте.

Он вернулся на крыльцо и раскрыл дверь пошире.

— Джимми, не входи!

— А я и не собираюсь. — Он просунул голову внутрь. — Эй, есть кто дома?

Тишина.

— Эй! — закричал он и прислушался. До него доносился шум из соседнего дома — голоса, смех — звуки, характерные для вечера в пятницу. По улице проехал автомобиль. Он вслушивался. Где-то в доме скрипнула половица. Снова тишина.

— Не могли же они уйти куда-то и оставить дом открытым, — сказал он Филлис. — Что-то случилось.

Он вошел внутрь. Она последовала за ним, но остановилась в нерешительности в гостиной, он же прошел на кухню. Она слышала, как он открыл дверь в погреб и крикнул: «Есть кто дома?» Затем снова закрыл дверь. Он вернулся в гостиную хмурый и направился по лестнице на второй этаж.

Там он пробыл недолго и вскоре спустился вниз с недоуменным видом.

— Там никого нет, — сказал он.

— Идем отсюда, — нервно ответила Филлис. Ей внезапно стало не по себе в этом ярко освещенном пустом доме. Они посоветовались — стоит ли оставлять записку, решили не делать этого и вышли на крыльцо.

— Может, закрыть дверь? — спросил Джим Моллен, остановившись.

— А что толку? Окна все открыты.

— Ну, все-таки... — он вернулся и прикрыл дверь. Они медленно пошли домой, поминутно оглядываясь на пустой дом. Моллен в глубине души надеялся, что

вот-вот из-за угла выскочат Кармайклы и закричат: «Сюрприз!»

Но из дома не доносилось ни звука.

Их дом находился через квартал — кирпичное бунгало, в точности такое же, как две сотни других в поселке. Когда они зашли внутрь, мистер Картер мастерил на карточном столе искусственную насадку для ловли форели. Работал он не спеша и со вкусом. Его ловкие пальцы сплетали разноцветные нити с любовной осторожностью. Он был так поглощен своим занятием, что не услышал, как вошли Моллены.

— Мы вернулись, папочка, — сказала Филлис.

— А, — промычал мистер Картер. — Взгляните — какая вещь!

Он показал им законченную мушку. Это была почти точная копия шершня. Крючок был хитроумно скрыт под желтыми и черными нитями.

— Кармайклы, видимо, куда-то ушли.. — сказал Моллен, снимая куртку.

— Завтра с утра попытаю счастья на Старом Ручье, — ответил мистер Картер. — Кто-то мне говорил, что там можно вытянуть великолепную форель.

Моллен про себя усмехнулся. С папашей Филлис общаться было трудно. В последнее время он не разговаривал ни о чем, кроме рыбалки. Старый Картер был в свое время весьма преуспевающим бизнесменом и удалился на пенсию в возрасте 70 лет, чтобы посвятить себя исключительно любимому виду спорта.

И теперь, когда ему было уже почти восемьдесят, он выглядел великолепно. Моллен не переставал этому поражаться. Кожа его тестя была гладкая и розовая, глаза ясные и невозмутимые, седые, белоснежные волосы аккуратно зачесаны назад. И, что самое

главное, он был совершенно в здравом уме, по крайней мере, в том, что касалось рыбалки.

— Надо перекусить, — сказала Филлис. Она с сожалением сняла красную шляпку, разгладила вуаль и положила на кофейный столик. Мистер Картер добавил еще одну нить к своей мушке, внимательно осмотрел ее, положил на столик и пошел вслед за ними на кухню.

Пока Филлис готовила кофе, Моллен рассказывал старику, что произошло. Ответ мистера Картера был типичным:

— Сходи завтра на рыбалку и выкинь все это из головы. Рыбалка, Джим, это больше, чем спорт. Рыбалка — это образ жизни, это философия. Я люблю, отыскав спокойное озерцо, посидеть на бережку. Я так думаю — если рыба водится повсюду, то она может быть и здесь.

— Возьмем, — продолжал мистер Картер, — юного чиновника. Вот вроде вас, Джим. Вот он несется по холлу и коридорам своего офиса. Привычная картина, не так ли? Но в самом конце самого последнего длинного коридора его ждет ручей с форелью. Или взять политикана. Вы их, конечно, достаточно видели в Олбани. В руке «дипломат», вид озабоченный...

— Странно, — произнесла Филлис, прерывая отца. Она держала в руке неоткупоренную бутылку молока.

— Посмотрите.

— Обычно они брали молоко фирмы «Станнертон Дэйрис». На зеленой бутылочной этикетке было выведено «Станнерон Дэрис».

— И вот еще, — она ткнула пальцем,

Под названием фирмы можно было прочесть: «По лицензии КАмитета ахраны здоровья. нью-йорк».

Все это выглядело неуклюжей подделкой под зарегистрированную торговую марку.

— Где это ты взяла? — спросил Моллен.

— Кажется, в лавке мистера Элджера. Может, это последний рекламный трюк?

— Я презираю людей, которые ловят на червя, — поделился доверительным тоном мистер Картер. — Мушка... мушка — это произведение искусства. Но человек, удящий на червя, способен ограбить сиротский приют и поджечь церковь.

— Не пей его, — сказал Моллен. — Давай-ка осмотрим остальную пищу.

Они обнаружили еще три поддельных этикетки. На леденцовой плитке Мелло-Байт была оранжевая обертка, вместо привычной малиновой. Оказалось, что банка Американского сыра почти на треть больше, чем должна быть. Кроме того, они обнаружили бутылку ШИПучего Наптка.

— Очень странно, — сказал Моллен, теребя подбородок.

— Я всегда выбрасываю мелочь назад, — говорил мистер Картер. — Это неписанный рыбацкий кодекс чести. Неспортивно оставлять себе мелких рыбешек. Пусть они вырастут, пусть созреют, пусть наберутся ума-разума. Сильных, здоровых рыбин я люблю — тех, что прячутся под бревна, что бросаются прочь при первом виде рыболова. Вот с этими парнями мне интересно сразиться!

— Отнесу-ка я эти вещи назад Элджеру, — сказал Моллен, складывая продукты с поддельными этикетками в бумажный пакет. — Если увидишь что-нибудь похожее, отложи в сторону.

— Старый Ручей — это вещь, — говорил мистер Картер. — Там они прячутся.

Субботнее утро было прекрасным и ясным. Мистер Картер съел ранний завтрак и двинулся к Старому Ручью, шагая легко, как мальчик. Его поношенная,

с обвислыми полями шляпа была лихо сдвинута на затылок.

Джим Моллен допил свой кофе и направился к дому Кармайклов.

Машина все так же стояла в гараже. Окна все так же были открыты, столик для бриджа приготовлен, и во всех комнатах горел свет — точно так же, как вчерашним вечером. Это напомнило Моллену прочитанную им некогда историю о корабле, плывущем под всеми парусами по морям, на борту которого все было в полном порядке, но не было ни единой живой души.

— Слушай, может, нам надо дать кому-то знать? — спросила его Филлис, когда он вернулся домой. — Я уверена, что тут что-то неладно.

— Я тоже так думаю, но кому?

В поселке они жили совсем недавно. Здесь были 3—4 человека, с которыми они раскланивались при встрече, но они понятия не имели, кто бы мог знать Кармайклов.

Проблему снял телефонный звонок.

— Если это кто-то из местных, — сказал Джим, когда Филлис подымала трубку, — то расспроси его.

— Алло? — спросила Филлис.

— Алло, — ответил женский голос в трубке. — Вы, наверно, меня не знаете. Я — Мариан Карпентер, мы живем через квартал от вас. Скажите — мой муж к вам случайно не заходил?

Голос выдавал скрытую тревогу, испуг.

— Гм... нет. К нам никто не заходил этим утром.

— Понятно, — высокий голос срывался.

— Я могу чем-нибудь помочь вам? — спросила Филлис.

— Я ничего не могу понять, — сказала миссис Карпентер. — Джордж, мой муж, и я позавтракали,

потом он поднялся наверх за курткой. И больше я его не видела.

— О-о...

— Назад по лестнице он точно не спускался. Я поднялась посмотреть, что он там возится — мы собирались покататься на автомобиле, — но его там не было. Я обыскала весь дом. Сначала подумала, что он решил разыграть меня, хотя Джордж никогда в жизни так не шутил, и заглянула во все шкафы и под кровати. Потом я осмотрела подвал и зашла к соседям. Но никто его не видел. Я подумала, что он, может, решил навестить вас, он как-то говорил об этом...

Филлис рассказала ей про исчезновение Кармайклов. Они поговорили еще несколько секунд и положили трубки.

— Джим, — сказала Филлис. — Мне это не нравится. Надо заявить в полицию насчет Кармайклов.

— Мы будем выглядеть очень глупо, когда окажется, что они ездили навещать друзей в Олбани.

— Придется рискнуть этим.

Джим набрал номер, но линия была занята.

— Пойду сам схожу.

— И возьми эти штуки с собой, — она вручила ему бумажный пакет с поддельной пищей.

Полицейский капитан Леснер был терпеливым человеком с румяным лицом. Всю ночь и почти все утро ему пришлось выслушивать нескончаемый поток жалоб. Его патрульные устали, его сержант устал, но больше всех устал он сам. Тем не менее он пригласил мистера Моллена в свой кабинет и выслушал его рассказ.

— Я попрошу вас записать все, что вы мне рассказали, — сказал Леснер, дослушав до конца. — Насчет Кармайклов нам позвонил их сосед вчера вечером.

Мы попытались отыскать их. Если приплюсовать мужа миссис Карпентер, то получается десять за два дня.

— Чего десять?

— Исчезнувших.

— Боже мой, — у Моллена перехватило дыхание. Он пошевелил бумажный пакет. — И все из нашего города?

— Все до одного, — сказал резко капитан Леснер, — все из Вэйнвилльского пригородного поселка. Более того — все из четырех кварталов нашего поселка.

Он назвал улицы.

— Я как раз здесь живу, — сказал Моллен.

— Я тоже.

— У вас есть хоть какие-нибудь соображения — кто может быть похитителем? — спросил Моллен.

— Мы не думаем, что это киднэппинг, — сказал Леснер, закуривая двадцатую сигарету за утро. — Нет никаких записок с требованием выкупа. Выбор жертв совершенно произволен. Большинство из пропавших не представляют для похитителей никакого интереса. А самое главное — такой размах!

— Тогда, может быть, какой-нибудь маньяк?

— Скорее всего. Но как он ухитряется похищать людей целыми семьями? Или крепких, взрослых мужчин вроде вас? И где он их прячет? Их или их тела. Леснер со злостью отбросил сигарету.

— Мои люди обыскали каждый дюйм в поселке. Каждый коп в радиусе двадцати миль находится в повышенной готовности. Полиция штата проверяет все автомобили на всех дорогах. И не найдено ничего.

— Да, у меня есть еще кое-что, — Моллен показал ему провизию с фальшивыми этикетками.

— А, опять это. Не знаю, что вам сказать, — с кислым лицом признался капитан Леснер. — Сейчас нет времени этим заниматься. Не до этого...

Зазвонил телефон, но Леснер его проигнорировал.

— Похоже на проделки дельцов с черного рынка. Я послал несколько образчиков в Олбани на анализ. Пытаюсь проследить источник. Возможно, он где-то за границей. Вообще-то этим должно заниматься ФБР... черт возьми этот телефон!

Он вырвал трубку из гнезда.

— Леснер слушает. Да... да... Это точно? Разумеется, Мэри. Да, еду. Прямо сейчас!

Он отложил трубку, его красноватое лицо было бледно.

— Звонила сестра моей жены, — сказал он. — Моя жена исчезла!

Моллен, возвращаясь домой, гнал машину, как будто хотел сломать себе шею. Он резко затормозил, припарковываясь, чуть не пробил при этом ветровое стекло головой и бросился к дому.

— Филлис! — заорал он. Где же она?

«О, боже, — думал он. — Если она исчезла...»

— Что случилось? — спросила Филлис, выходя из кухни.

— Я думал... — он схватил ее и прижимал к себе до тех пор, пока она не завизжала.

— Ну же, — говорила она, смеясь. — У нас ведь не медовый месяц. Мы в конце концов женаты уже полтора года...

Он рассказал ей все, что узнал в полицейском участке.

Филлис оглянулась по сторонам. Еще вчера их квартира была такой уютной и милой. А теперь тень под кушеткой пугала ее, открытая дверца шкафа вызвала нервную дрожь. Она знала, что никогда уже в этом доме ей не будет так хорошо, как прежде.

Послышался стук в дверь.

— Не открывай, — сказала Филлис.

— Кто там? — спросил Моллен.

— Джо Даттон, я живу в вашем квартале. Вы ведь слышали новости?

— Да, — ответил Моллен через запертую дверь.

— Мы баррикадуем улицы, — сказал Даттон. — Мы решили проверять каждого, кто входит и выходит. Мы намерены покончить с этим, даже если полиция бессильна. Не хотите ли присоединиться к нам?

— Само собой, — ответил Моллен и открыл дверь. Перед ним стоял невысокий смуглый человек в старой армейской куртке. В руках у него было короткое бревно.

— Мы намерены перекрыть все входы-выходы из наших кварталов и следить за воздухом, — сказал Даттон. — Так что, если еще кто-нибудь пропадет, это будет означать, что он провалился сквозь землю.

Моллен поцеловал жену и присоединился к нему.

В тот же день состоялось собрание в актовом зале школы. Сюда сошлись все жители пострадавших кварталов. Кроме них, пришли люди и из других концов поселка. Их пускали, пока в зале было свободное место. Почти сразу обнаружилось, что, несмотря на баррикады, из Вэйнсвилльского поселка пропали еще три человека.

Выступал капитан Леснер и сказал, что он вызвал помощь из Олбани. Представители специального отдела уже в пути и, кроме того, должны прибыть агенты ФБР. Он честно признался, что не имеет понятия, кто (или что) виновен в происходящем и зачем преступнику это надо. Точно так же он понятия не имеет, почему все исчезнувшие из одного района Вэйнсвилльских новостроек.

Он также сообщил, что получил известие из Олбани насчет фальшивых пищевых продуктов, образцы которых были обнаружены по всему району новостроек.

Химики не отыскивали в образцах никаких токсичных веществ. Это, казалось, опровергало гипотезу о том, что в пищу был подмешан какой-то наркотик. Согласно теории, люди под действием этого наркотика выходили из дома и попадались в лапы тому (или чему), кто (или что) был виновником происходящего. Тем не менее Леснер предупредил, чтобы никто эту пищу не ел. Кто его знает...

Компании, чьи торговые марки были подделаны, объявили о своей полной непричастности к этому и об отсутствии у них какой-либо информации. Они были готовы возбудить судебное преследование против всякого, посягнувшего на их права.

Потом выступил мэр и хорошо поставленным голосом изрек несколько банальностей; впрочем, делал он это от чистого сердца. Он заверил, что гражданские власти полностью контролируют ситуацию.

Разумеется, сам он не жил в районе Вэйнсвилльских новостроек.

На этом собрание завершилось, и мужчины вернулись к баррикадам. Они начали было поиски дров для ночных костров, но в этом не было необходимости. Из Олбани прибыла подмога — множество людей и техники. Четыре квартала были оцеплены армейскими патрулями. По углам установили переносные прожектора и объявили восьмичасовой комендантский час.

Мистер Картер пропустил все эти события. Он весь день был на рыбалке. Под вечер он вернулся с пустыми руками, но счастливый. Патрули пропустили его, и он вошел в дом.

— Прекрасный был денек для рыбалки, — заметил он.

Моллены провели ужасную ночь, засыпая лишь урывками, не раздеваясь. В окошко падали отблески прожекторов и доносился стук подкованных армейских ботинок.

В восемь часов утра в воскресенье пропали еще два человека. Они исчезли из четырех кварталов, охраняемых лучше, чем концлагерь.

В десять часов мистер Картер, отметая все уговоры и увещевания Молленов, бросил на плечо свое зачехленное рыбацкое снаряжение и вышел из дома. Начиная с 13 апреля он не пропустил ни одного дня и намеревался и дальше не пропустить ни одного дня в течение всего сезона.

В полдень в воскресенье исчез еще один человек и, таким образом, общее число исчезнувших достигло шестнадцати.

В воскресенье в час дня нашлись все исчезнувшие дети!

Полицейский автомобиль натолкнулся на них на дороге, неподалеку от городка. Их было восемь, среди них — мальчик Кармайклов. Они направлялись к своим домам и выглядели совершенно ошеломленными. Их доставили в госпиталь.

Однако не было и следа пропавших взрослых.

Новости из уст в уста передавались быстрее, чем с помощью радио или газет. Дети были совершенно здоровы, и на них не было никаких ранений. Их обследовали психиатры и установили, что они совершенно не помнят, что с ними происходило и как они попали на дорогу. Единственное, чего добились от них врачи, это воспоминание о чувстве полета, сопровождающемся неприятными ощущениями в желудке. Детей, безопасности ради, временно оставили в госпитале под охраной.

Но ближе к вечеру из Вэйнвилля исчез еще один ребенок.

Незадолго до заката мистер Картер вернулся домой. В мешке он притащил двух больших радужных

форелей. Он весело поприветствовал Молленов и направился в гараж — чистить рыбу.

Джим Моллен, нахмурившись, прошел вслед за ним в задний двор, к гаражу. Он хотел спросить старика насчет чего-то, о чем тот говорил день или два назад. Он не мог точно припомнить, о чем шла речь, но это казалось важным.

Его окликнул человек из соседнего двора, чьего имени он не помнил.

— Моллен, — сказал человек. — Мне кажется, я знаю.

— Что? — спросил Моллен.

— Вы обдумывали все выдвинутые предположения? — спросил сосед.

— Естественно.

Сосед был тощим мужчиной с отблескивавшей в закатных лучах розоватой лысиной. Он был в рубашке, без пиджака.

— Тогда слушайте. Это не может быть киднэппер. Нет никакого смысла. Верно?

— Да, думаю, что так.

— Маньяк тоже отпадает. Каким образом смог бы он зацапать пятнадцать, шестнадцать человек? И вернуть детей? Если учесть всех полицейских и вояк, что нас охраняют, то даже банда маньяков не смогла бы такое провернуть. Верно?

— Продолжайте, — уголком глаза Моллен заметил, что толстая жена соседа сошла с крыльца черного хода. Она подошла к ним и остановилась, вслушиваясь.

— То же самое относится к гангстерской банде или даже к марсианам. Нет никакой возможности все это проделать, а самое главное — не видно никакого смысла. Мы должны подыскать какое-нибудь алогичное объяснение, и тогда у нас останется только один логический вывод.

Моллен, ожидая продолжения, глянул на женщину. Она смотрела на него, сложив руки на груди. На ней был фартук. Да, действительно, она глядела на него.

«Что это она смотрит так злобно? — подумал Моллен. — Что я ей сделал?»

— Единственный вывод, — медленно произнес его сосед, — таков, что где-то в нашей местности существует дыра. Дыра в пространственно-временном континууме.

— Что? — вырвалось у Моллена. — Я что-то не вполне ухватываю.

— Дыра во времени, — объяснил лысый инженер, — или дыра в пространстве. Или и в том, и в другом. Не спрашивайте меня, как она возникла; она есть и все. И получается так: человек ступает в эту дыру и — бац! — он уже где-то в другом месте. Или в другом времени. Или в другом месте и другом времени. Естественно, эта дыра невидима — она четырехмерна, но она есть. Мне кажется, стоит проследить передвижения всех этих людей. И мы тогда обнаружим, что они проходили через определенное место... и исчезали.

— Гм, — Моллен обдумал сказанное. — Звучит интересно, но многие из них исчезали прямо из своих домов.

— Да, — согласился сосед. — Дайте подумать. А, ясно! Эта дыра в пространстве-времени не фиксирована. Она перемещается, дрейфует. Сначала она прошла через дом Кармайклов, затем, двигаясь случайным образом...

— Но почему она не выходит за пределы наших четырех кварталов? — спросил Моллен, продолжая удивляться, с чего это жена соседа так злобно зыркает на него глазами, плотно сжав губы.

— Ну, — ответил сосед, — у нее есть какие-нибудь ограничения.

— А почему дети вернулись?

— О, ради бога, Моллен, не хотите же вы, чтобы я вам объяснил все мельчайшие детали? Это просто хорошая рабочая теория. Нам надо собрать побольше фактов, чтобы объяснить все полностью.

— Привет! — из гаража появился мистер Картер. Он нес двух прекрасных форелей, тщательно очищенных и промытых. — Форель — настоящий борец и, кроме того, прекрасное блюдо. Лучшее в мире времяпрепровождение и лучшая в мире еда!

Он не спеша пошел к дому.

— У меня есть теория получше, — сказала жена соседа, упершись руками в пухлые бедра.

Мужчины обернулись и посмотрели на нее.

— Кто во всей нашей округе ни капельки не тревожится о том, что происходит? Кто шляется все время с мешком, в котором, как он говорит, прячет рыбу? Кто рассказывает, что он проводит все время на рыбалке?

— О нет! — воскликнул Моллен, — папаша Картер тут ни при чем. Он, кроме рыбалки, ничего знать не знает. У него своя философия насчет рыбалки и...

— А мне плевать на философию! — завизжала женщина. — Вас он может дурачить, а меня не проведешь! Я только одно знаю, что это единственный человек во всем районе, которому все до лампочки, и что он шатается по всей округе и каждый день куда-то уходит. Линчевать его надо — это самое лучшее, чего такие типы заслуживают!

Она повернулась и, пошатываясь, пошла к своему дому.

— Извините, Моллен, — сказал лысый сосед. — Вы ведь знаете, как это бывает с женщинами. Она не в

себе, хотя наш Дэнни и в безопасности. Он в госпитале.

— Да, конечно, — ответил Моллен.

— Она ничего не понимает в пространственно-временном континууме, — продолжал сосед горячо. — Но я объясню ей сегодня же вечером. Завтра утром она перед вами извинится. Вот увидите.

Мужчины обменялись рукопожатиями и разошлись по домам.

Темнота сгустилась быстро, и по всему городку зажглись прожекторы. Лучи света пронзали улицы, высвечивали задние дворики, отражались в закрытых окнах. Обитатели Вэйнсвилля устраивались на ночь, с ужасом ожидая новых исчезновений.

Джим Моллен мечтал о том, чтобы ему в руки попался виновник всех несчастий. Всего лишь на секундочку — этого было бы достаточно. Но приходилось ждать и ждать. Он чувствовал отчаянье и беспомощность. Губы его жены потрескались и обескровились, в глазах — усталость. Но мистер Картер был бодр, как обычно. Он поджарил форель на газовой плите и угостил обоих.

— Сегодня нашел прекрасный тихий омут, — объявил мистер Картер. — Это около устья Старого Ручья, если подняться вверх по небольшому притоку. Я ловил там весь день, привалившись к травянистому берегу и наблюдая облака. Фантастическая вещь — облака! Завтра пойду туда же и порыбачу еще денек. Потом двинусь дальше. Настоящий рыболов никогда не опустошает водоем до конца. Постоянная смена мест ловли — вот девиз настоящего рыбака. Немножко выловил, немножко оставил. Я часто думаю...

— О, папа, пожалуйста! — закричала Филлис и разразилась рыданиями.

Мистер Картер печально покачал головой, улыбнулся мудрой, понимающей и всепрощающей улыбкой и прикончил свою форель. Затем он прошел в гостиную и погрузился в работу над новой мушкой.

Моллены без сил потащились в спальню...

Моллен проснулся и сел на постели. Он оглянулся по сторонам, посмотрел на спящую рядом жену. Потом глянул на светящийся циферблат часов. 4.58. Почти утро, подумал он.

Он выскользнул из постели, накинул халат и осторожно зашлепал вниз по лестнице. Лучи прожекторов через равные промежутки времени высвечивали окна гостиной. Снаружи видны были фигуры патрульных.

«Это как-то успокаивает», — подумал он и прошел в кухню. Стараясь не шуметь, налил в стакан молока. На холодильнике, сверху, он обнаружил свежий кекс и отрезал себе ломтик.

«Похитители, — думал он. — Маньяки. Люди с Марса. Дыры в пространстве. Или любая комбинация. Нет, все это чушь».

Он все пытался вспомнить, о чем это он хотел спросить мистера Картера. О чем-то очень важном.

Он ополоснул стакан, поставил коробку с кексом назад на холодильник и направился в гостиную. Внезапно что-то резко дернуло его в сторону.

Что-то душило его! Он замолотил руками, но вокруг не было ничего, что можно было бы ударить. Что-то вцепилось в него, как железная рука, и тащило, отрывая от пола. Он наклонился набок, тщетно пытаясь обрести опору для ног. Его ноги оторвались от пола, и на мгновение он повис в воздухе, извиваясь, кор-

часть и пиная пустоту. Нечто так крепко держало его, сдавив ребра, что он не мог дышать, не мог издать ни звука. Неведомая сила неумолимо тащила его вверх.

«Дыра в пространстве», — мелькнула мысль. Он попытался закричать. Под бешено молотящие воздух руки попалась кушетка, и он вцепился в нее. Кушетка поднялась в воздух вслед за ним. Он дернулся, и железная хватка на миг ослабела. Он упал на пол.

На четвереньках он бросился к двери. Нечто невидимое снова схватило его, но он был уже близок к радиатору отопительной батареи. Он вцепился в него обеими руками и сопротивлялся тянущей его силе, затем рванулся еще раз и ухитрился зацепиться за радиатор ногой, затем второй.

Сила, тянущая его, возросла. Он с ужасом слышал треск радиатора и думал, что сейчас его разорвет по полам. Каждый его мускул был напряжен до последнего предела. Внезапно железная хватка пропала.

Без сил он рухнул на пол.

Когда он пришел в себя, за окном уже был день. Филлис, закусив губу, брызгала ему в лицо водой. Он моргал глазами, соображая, где находится.

— Я еще здесь? — спросил он.

— С тобой все в порядке?! — кричала Филлис. — Что случилось? Дорогой! Уедем отсюда!..

— Где твой отец? — спросил Моллен, подымаясь на ноги и пошатываясь.

— На рыбалке. Сядь, пожалуйста. Я вызову доктора.

— Не надо. Погоди.

Моллен прошел в кухню. На холодильнике стояла коробка из-под кекса. Этикетка гласила: «Кондитерская лавка Джонсона. Вэйнсвилль, Нью-Йорк». За-

главное К в слове Нью-Йорк. Совсем незаметная ошибка.

А мистер Картер? Неужели это и есть ответ? Моллен взлетел по лестнице в спальню. Быстро оделся и спустился вниз. Он скомкал коробку из-под кекса, запихнул в карман и выскочил наружу.

— Не прикасайся ни к чему, пока я не вернусь! — крикнул он Филлис. Она смотрела, как ее муж садится в автомобиль и выезжает на улицу. С трудом сдерживая слезы, она вернулась в кухню.

Через пятнадцать минут Моллен был уже на Старом Ручье. Он заглушил мотор и пешком двинулся вдоль берега.

— Мистер Картер! — кричал он время от времени. — Мистер Картер!

Так шел он примерно полчаса, все более углубляясь в лес. Деревья и кусты росли все гуще и гуще, и ему пришлось идти вброд по дну ручья, чтобы продвигаться вперед. Он ускорил шаги, подымая фонтаны брызг, скользя на камнях, пытаясь бежать.

— Мистер Картер!

— Хэлло! — услышал он голос старика. Он пошел на голос вдоль небольшого притока и наконец наткнулся на мистера Картера. Тот сидел на крутом бережку небольшого омута, держа в руке бамбуковое удилище. Моллен выкарабкался на берег рядом с ним.

— Расслабься, сынок, — сказал мистер Картер. — Рад, что ты внял моему совету насчет рыбалки.

— Нет, — ответил Моллен, пытаясь отдышаться. — Я хочу кое о чем порасспросить вас.

— С удовольствием отвечу, — сказал старик. — Что бы ты хотел знать?

— Настоящий рыбак никогда не станет вылавливать всю рыбу из водоема?

— Я, например, не буду. Но есть и такие, что способны на это.

— Теперь о приманке. Настоящий рыбак использует искусственную насадку?

— Я горжусь своими мушками,— ответил мистер Картер.— Я пытаюсь как можно точнее скопировать настоящее насекомое. Вот, например, прекрасная копия шершня.

Он извлек из своей шляпы желтый крючок.

— А вот прелестный москит.

Внезапно леска его удочки дернулась и натянулась. Легким, уверенным движением старик вытянул рыбу из воды. Он держал в руке задыхающуюся форель, демонстрируя ее Моллену.

— Мелкая, я таких не беру.

Он мягким, осторожным движением вытянул крючок из разевающей пасти и бросил рыбешку обратно в воду.

— Когда вы таких отпускаете... как вы думаете — они что-то соображают? Рассказывают остальным?

— О нет,— ответил мистер Картер.— Опыт их ничему не учит. Я, помню, вытаскивал одну и ту же рыбешку два или три раза. Им надо подрасти, прежде чем они научатся осторожности.

— Да, я тоже так считаю.

Молен посмотрел на старика. Мистера Картера не трогали проблемы окружавшего его мира. Ужас, поразивший Вэйнсвилль, его не коснулся.

«Рыболовы живут в своем собственном мире»,— подумал Моллен.

— Ты бы пришел час назад,— сказал мистер Картер,— посмотрел бы, какой экземпляр мне на крючок попался. Здоровый парень фунта на два, не меньше. Вот это была схватка! Для такого старого боевого коня, как я, лучше и не придумаешь. Сорвался, мерзавец. Ну, ничего, будут и другие... Эй, ты куда?

— Домой! — закричал Моллен, шлепая по ручью. Он теперь знал, что искал, зачем ему нужен был мистер Картер. Параллель. Аналогия. И теперь все было ясно.

Безобидный, безвредный мистер Картер, вытягивающий форель из ручья, точно так же, как тот, громадный, рыболов вытягивает свою добычу...

— Назад, чтобы предупредить других рыб! — прокричал Моллен через плечо, спотыкаясь на дне ручья. Только бы Филлис не трогала никакой пищи! Он вытащил из кармана обертку для кексов и отбросил от себя как можно дальше. Проклятая приманка!

А в это время рыбаки, каждый в своей собственной сфере, улыбнулись и снова забросили лески в воду.

ПОДНАДЗОРНЫЙ

Господин обер-префект! По не зависящим от меня причинам я прибыл в город только поздно ночью. Явившись по указанному адресу, представился и объяснил свою задачу. Наш человек тут же выдал мне старый солдатский мундир без нашивок, восемьсот карворато ассигнациями и подробную карту города. Я закрылся в дальней комнате, переоделся и до утра изучал карту, а затем ушел через окно на крышу соседнего дома и дальше по задворкам к площади. Агент мне показался ненадежным, что вскоре — увы! — подтвердилось.

А вот одежда, коей он меня снабдил, пришлась как нельзя кстати — в городе полно беглых солдат и я легко затерялся в толпе.

Пройдя на рыночную площадь, я принялся ждать. Невзирая на то, что возница был ранен, дилижанс из столицы прибыл почти без опоздания. Пассажиров было много, однако я сразу узнал поднадзорного — испытанное лицо, соломенные кудри, синие глаза. Но вот одет он был безукоризненно: сюртучная пара, трость, белые перчатки, цилиндр. Он щелкнул пальцами и подозвал носильщика. Носильщик взял два саквояжа, и они направились к извозчику. Я двинулся следом. И вдруг...

Вокруг все закричали и забегали. Я понял — облава. Хватали мешочников. А поднадзорный садился в пролетку. И я побежал. Пролетка тронулась, я прыгнул на запятки...

И меня схватили. Сбили с ног и начали топтать. Я подскочил, меня вновь сбили, связали и, то и дело пиная ногами, понесли.

В участке меня, ни о чем не спросив, затолкали в подвал, полный всякого сброда. Я долго стучал — не открыли. Тогда я стал кричать, что у меня есть пачка ассигнаций,—никто не ответил. Зато сидевший у двери мешочник засмеялся и сказал, что здесь не дураки и разноцветные бумажки брать не станут. Я замолчал.

Как потом оказалось, наш человек обязан был выдать мне деньги в тяжелой монете, а он подсунил ассигнации, чем затруднил мое освобождение. Словоохотливый мешочник объяснил, что стучать и просить бесполезно, что вечером и так всех вызовут, проверят документы, изобьют, отнимут ценности и вытолкают прочь. Но я никак не мог так долго ждать! Я опасался, как бы поднадзорный не исчез из города. И я опять стал стучать и на сей раз кричать, что я от Паршивой Собаки. Дверь тут же открыли, схватили меня под руки и отвели к начальнику.

Начальник сидел за столом и жевал чертов корень. Я еще раз сказал, что служу у Паршивой Собаки. Он засмеялся, не поверил. Тогда я сказал, что в пакгаузе двадцать шестого квартала мы обнаружили склад контрабанды, охрана малочисленна, и мы...

Начальник обещал подумать. И пока его люди проверяли достоверность моих слов, мы жевали чертов корень и беседовали. Чертов корень здесь, кстати, продают открыто и намного дешевле, нежели в столице. А когда мы расставались, то начальник предложил свои услуги. Памятуя ваши наставления, я отказался. К тому же я почти не сомневался, что при первой же возможности они сдадут меня на растерзание боевикам Паршивой Собаки.

Выйдя из участка, я, не теряя времени, стал обходить ближайшие гостиницы и говорить привратникам, что у меня срочное письмо к постояльцу такому-то. В шестой гостинице мне было сказано, что час назад такой-то вышел в город. Узнав, в каком он номере

остановился, я повернул за угол, поднялся по пожарной лестнице, открыл окно, прошел по коридору, вскрыл нужную дверь и, запершись изнутри, произвел досмотр.

Досмотр ничего не дал. Трость, трубка, пепел, бумажник, в нем—деньги. Я вскрыл саквояжи: в обоих—земля. Обыкновенная земля, суглинок,—больше ничего. Просеял через сито—тот же результат. Не имея никакого повода к аресту, я не остался в номере, а вышел по пожарной лестнице и стал ждать вечера.

Как я уже сообщал, агент вручил мне ассигнации, а это все равно что ничего. Целый день я слонялся голодный по городу.

Кстати, общие женщины здесь ведут себя весьма пристойно и не оскорбляют сограждан своим доступным внешним видом, а носят одеяния монахинь. И грабежей почти что нет—отряды самообороны патрулируют кварталы, хватают подозрительных и расправляются с ними на месте. Здесь, к слову же, решительно искореняют пьянство. Так, на моих глазах ударники из Ордена Разумных громили тайный винокуренный завод. Жгли здание, карали виноделов. Затем возмездие перенесли и на соседние дома, и ни полиция, ни отряды самообороны не решились унять избиение. Орден—влиятельная сила в городе, что говорит о нравственном здоровье населения. Правда, ходят слухи, будто Орден полностью на содержании у гильдии торговцев чертовым корнем.

Но я отвлекаюсь. Дождавшись вечера, я вышел к реке и, миновав игорные кварталы, спустился в Харчевню Поэтов. В столице полагают, будто бы Харчевня недоступна для непосвященных, но, поверьте, стоит лишь сказать при входе тайные слова «перо и муза», как вас тут же беспрепятственно пропустят в зал, а там нальют вина и подадут закуску. Поэтам нравится таинственность, и все они считают, будто ремесло стихосложе-

ния доступно только избранным, а избранных должны преследовать.

Но к делу. Спустившись в зал, я сел за крайний столик и стал наблюдать. Здесь, как всегда, было людно и шумно. Собравшиеся пили, читали стихи, жевали чертов корень, крутили оламму. Компания прелестных общих женщин, одетых на сей раз довольно по-светски, плясала на эстраде. И там же, возле самого камина, я увидел поднадзорного.

Я до сих пор не понимаю, что могло его там привлекать; как нам доподлинно известно, он в каждый свой приезд все вечера просиживал в Харчевне. Но, видимо, у каждого своя слабость. Одни пропадают на скачках, другие играют на бирже, а кто-то слушает надрывные и глупые стихи.

Мне все время приходилось быть настороже. В Харчевне дважды начиналась потасовка: один раз из-за женщины, второй—из-за стихов, но оба раза все кончалось скорым примирением. Поэты—словно дети или женщины: для них самое главное—внимание к их персоне, а не к их делам. И после обоюдных оскорблений они как ни в чем не бывало курили оламму, читали стихи и между делом ласкали общих женщин.

А поднадзорный сидел в стороне. Он не участвовал в общей беседе, не пил. Он, как мне показалось, настороженно смотрел по сторонам, покашливал в кулак и думал.

С эстрады читали стихи, а из зала над ними смеялись. Собравшиеся топали ногами, свистели, улюлюкали. И дело было не в стихах, а просто здесь так выражают общую беспечность и довольство жизнью. Но тем не менее я понял, что сейчас что-то случится, и посмотрел на поднадзорного.

Он резко встал и вышел на эстраду.

И в зале тут же наступила тишина. Здесь многие знали его уже немало лет и, как и я, давно отметили,

что он сегодня сам не свой, а это значит... Однако что все это значит, знал наверняка лишь я. И, чтоб не быть застигнутым врасплох, я взвел курки.

Однако поднадзорный, молча оглядев собравшихся, ничего не сказал и не сделал, а спустился с возвышения и, не отвечая на вопросы и приветствия, поспешно вышел из Харчевни.

И я, стараясь не привлечь внимания, пошел за ним.

Была уже глубокая ночь, а здесь с одиннадцати вечера и до шести утра объявлен комендантский час. Окрестные селяне вот уже четвертый месяц не подвозят в город продовольствие, мало того, по ночам собираются в шайки и грабят окраины. Стрелки отрядов самообороны сидят по чердакам и, должен вам сказать, несут свою службу исправно—я шел довольно осторожно, но трижды по мне открывали пальбу.

Когда я подошел к гостинице, его окно уже светилось. Войдя в соседний дом, я поднялся на крышу и стал наблюдать.

Сквозь жалюзи я четко видел поднадзорного. Он был без сюртука и галстука, ворот расстегнут. Стоял посреди номера. Босой. Это меня насторожило. Я перезарядил оружие и взвел курки. Рука дрожала, я боялся промахнуться.

Поднадзорный стоял неподвижно—должно быть, собирался с силами. И вдруг—я видел это ясно и отчетливо—он всплыл, именно всплыл на пол-локтя над полом и замер.

Конечно же, я мог стрелять. И расстояние, и освещение благоприятствовали мне. Но я не сделал этого.

Он опустился на пол, походил по комнате, вновь замер, всплыл и снова и снова опустился. Затем сел к столу, взял перо и бумагу.

А я едва ли не скатился вниз, метнулся через улицу, поднялся по пожарной лестнице, открыл окно, прошел по коридору, взломал дверь и, не давая поднад-

зорному опомниться, одним прыжком сбил его на пол, ударил в висок—и он лишился чувств.

Возможно, в спешке я чего-то не учел, однако и на теле поднадзорного я ничего особенного не обнаружил. Тогда, связав его, я еще раз обследовал номер. Все было, как прежде, лишь только по ковру была рассыпана земля из саквояжей. По приезде я представлю образцы этой земли, но смею вас уверить, что земля нам ничего не объяснит. Дело в самом поднадзорном. А посему я принял то единственно разумное решение, которое не даст возможности возникнуть вздорным слухам о его якобы—хоть я и сам их видел—сверхъестественных способностях.

Поднадзорный был по-прежнему без чувств. Я взял ремни от его саквояжей, связал их, встал на кровать, перебросил ремни за трубу отопления и закрепил. Затем, спустившись, перенес бесчувственное тело в угол, поднял и, захлестнув петлю на шею, отпустил. Поднадзорный повис.

Я сел к столу, взял приготовленные им бумагу и перо и, подражая его почерку, начал было писать, но тут же смял и бросил на видное место. Затем я встал и тщательно обследовал весь номер, чтобы ненароком не оставить за собой следов.

А поднадзорный висел. Уже восемь минут. Глаза закрыты, бледное лицо, а на губах улыбка.

И вот тогда я испугался! Бросился к нему, взял руку...

Пульс!

Весь дрожа, я проверил петлю—правильно. И отскочил. Я чуть было не выбежал из номера, но вовремя сдержал себя. Что делать? Он не умирает. Он даже и без чувств не тяжелеет и не тянется к земле. Его нельзя повесить! И если его так оставить, то утром все узнают, что случилось, и в наше смутное время,

когда любая искра может вызвать пожар... Да что тут объяснять!

И все же вы меня поймите, господин обер-префект, мне было очень страшно. Я подошел к нему и, обхватив за ноги, повис на поднадзорном.

О, если бы кто знал, о чем я только не успел подумать за то время, пока обнимал его! Конечно, человек не должен забывать, что он всего лишь человек и что обязан жить, как все,—служить и бунтовать, грешить и каяться. Так, может быть, и преступление поднадзорного — это тоже лишь грех, пусть самый страшный грех, но все-таки никак не покушение на недоступную нам святость?! Что, если спустя много лет и даже много поколений...

Простите, господин обер-префект, я забываюсь. Хотя я все уже сказал. Потом, когда все кончилось, я вышел, запер дверь, прошел по коридору и спустился по пожарной лестнице. Никто меня не видел, акция прошла успешно. Примите мой рапорт и проч.

СОДЕРЖАНИЕ

Роберт Шекли. Сезон для рыбалки. Пер. с англ. Е. Дрозда	3
Сергей Булыга. Поднадзорный	24

Цена 30 коп.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Роберт Шекли

СЕЗОН ДЛЯ РЫБАЛКИ

Сергей Булыга

ПОДНАДЗОРНЫЙ

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

(Фантакрим-микро. Фантастика, приключения, детектив)

Составление выпусков «Фантакрим-микро»—М. И. Андрюшкин
Редактор выпуска И. А. Боровская

Оформление и художественное редактирование—С. В. Баленок

Координатор выпуска
В. ПАВЛИКОВ

Сдано в набор 3.11.89 г. Подписано в печать 30.11.89 г. Л 17397

Формат 60×84 1/32 Гарнитура литературная.

Печать высокая. Печ. л. 1. Уч.-изд. л. 1.2.

Тираж 110 тыс. экз. Заказ 8525. Цена 30 коп. Издательство
«Прометей» МГПИ имени В. И. Ленина 119048, Москва,
Усачева, 64. Набрано и отпечатано в типографии Госбанка